Текст · 8 мая 2025, 09:51
Софья Крылова,

ОПС — опять последнее слово. Суд над Андреем Трофимовым, которому добавили 3 года срока за выступление на предыдущем суде

В октябре 2023 тверского активиста Андрея Трофимова осудили на 10 лет колонии строгого режима за попытку вступить в легион «Свобода России» и посты в поддержку Украины «ВКонтакте». Он говорил, что не признает суд законным, просил назначить ему максимальное наказание, а последнее слово завершил фразой: «Путин— хуйло».

На этой неделе Трофимова снова судили — за то самое последнее слово. Судья 2-го Западного окружного военного суда Вадим Краснов на выездном заседании в Тверском военном гарнизонном суде увеличил срок заключения до 13 лет. «Медиазона» рассказывает, как проходил этот удивительный процесс, постановщиком которого, по утверждению подсудимого, выступил он сам.

Немногочисленных слушателей, которые пришли 5 мая в Тверской гарнизонный военный суд, Андрей Трофимов встретил самодельным плакатом с изображением украинского тризуба, который не выпускал из рук вплоть до оглашения приговора.

Процесс он начал с ходатайства об отводе адвоката по назначению Натальи Донцовой — как и на первом судебном процессе, Трофимов хотел защищать себя сам. Суд ему в этом отказал.

Трофимова на этот раз обвиняли в публичном оправдании терроризма, в том числе, в интернете[1] и повторной «дискредитации армии»[2]. Так следствие квалифицировало последнее слово, произнесенное им почти два года назад.

Согласно обвинению, «не позднее 24 июля 2023 года» Трофимов «неустановленным способом» передал черновик последнего слова живущей во Франции активистке Марии Бовенко с просьбой опубликовать текст в изданиях «Верстка» и «Каспаров.ру», так как «желал его максимального распространения».

24 июля 2023 года текст действительно появился на «Каспаров.ру», где «с ним ознакомились не меньше полутора тысяч пользователей», а 6 октября 2023 года сокращенный вариант последнего слова опубликовал в своем телеграм-канале Александр Невзоров — там его увидели «не менее полумиллиона человек». Обе публикации носили «открытый и доступный для понимания характер».

После этого Трофимов, как считает следствие, выучил текст последнего слова наизусть, «внеся в него дополнения об оправдании и поддержке подрыва Крымского моста летом 2023 года», и с июня 2023 года по февраль 2024 года «доводил его содержание» до заключенных и сотрудников тверского СИЗО-1.

19 января 2024 года, находясь в своей одиночной камере, Трофимов рассказал инспектору СИЗО Полине Минаевой «ранее заготовленный и заученный текст». При этом он «осознавал, что его речь будет доступна осужденным в соседних камерах».

Вменить Трофимову статью 280.3 УК[3] следствие смогло, потому что у него уже был протокол за «дискредитацию армии» — 27 июня 2023 года активиста оштрафовали за плакат «Нет войне» и выкрик «Слава Украине» в зале суда.

Согласно обвинению, активист рассчитывал на «получение публичной огласки своего противоправного деяния» — хотел, чтобы его последнее слово прочитал «неограниченный круг лиц».

Привлеченные следствием эксперты-лингвисты нашли в тексте «признаки оправдания разрушительных действий» — взрывов на Крымском мосту, атаки дронов на гражданские объекты в Москве и Московской области, а также «дискредитации» армии и «убеждения в допустимости и правильности разрушительных действий и насилия».

«У экспертов квалификация лингвистическая. Почему они на себя берут смелость утверждать, что московский Кремль — это гражданский объект? Большая часть территорий московского Кремля закрыта для посещения, и он является ручным местом Путина. Поэтому я настаивал и буду настаивать, что московский Кремль — объект военный», — комментировал выводы экспертов Трофимов.

Он не отрицал фактические обстоятельства дела, но отказался признавать себя виновным.

«Я не согласен с квалификацией актов, которые я одобряю и поддерживаю, как терактов. Да, и я не согласен с тем, что фразочки типа "Украина — жертва агрессии со стороны России" дискредитируют ВС РФ», — говорил Трофимов.

«Наказан сутками в карцере за то, что Путин — хуйло»

В качестве свидетелей гособвинитель Андрей Лопата вызвал в суд помощника уполномоченного по правам человека в Тверской области Сергея Коряжкина и председателя региональной ОНК Павла Макарова, которые вместе с прокурором Тверской области Максимом Жуком и другими чиновниками 21 марта 2024 года проверяли условия содержания в тверском СИЗО-1.

Трофимова, которого большую часть времени держат в одиночной камере, тогда отправили в карцер. По требованию сотрудников ФСИН и проверяющих арестант обязан сделать *доклад* — назвать фамилию,

статьи, даты начала и окончания срока. Согласно материалам дела, вместо доклада Трофимов сказал прокурору, что «наказан 12 сутками в карцере за то, что Путин — хуйло».

В суде Коряжкин вспомнил, как, стоя на пороге карцера Трофимова, он «увидел у него плакат "Я/МЫ", дальше не увидел». Потом свидетель услышал матерную брань в адрес Путина и сразу вышел: «Понял, к чему все это будет, было достаточно». При этом на допросе у следователя[4]

Коряжкин еще мог вспомнить полную надпись на плакате — «Я/МЫ Навальный».

Макаров тоже видел плакат и слышал, как Трофимов «нецензурно высказался в адрес главнокомандующего», после чего «по требованию прокурора» дверь в карцер закрыли.

Трофимов хотел спросить Макарова, разрешает ли законодательство члену ОНК давать показания против заключенного, но суд не позволил ему задать вопрос.

Последнее слово Трофимова оба свидетеля не слышали, и даже судья Краснов не понял, «зачем приглашали таких уважаемых людей, если подсудимому вменяются совсем другие даты, а отношение к президенту он не отрицает». Объяснить это гособвинитель Лопата не смог.

Тем не менее, на второй день процесса в суде допросили председателя общественного совета УФСИН по Тверской области Александра Лукьянчука.

Он рассказал, что во время проверки в ответ на вопрос прокурора, почему Трофимов оказался в карцере, тот «назвал фамилию "Путин" и использовал ненормативную лексику». Свидетель «услышал только эту часть и вышел из камеры, так как было очень много человек». Как и Коряжкин, Лукьянчук на следствии говорил о плакате «Я/МЫ Навальный», но в суде фамилию убитого политика уже не упоминал.

Потом по видеоконференцсвязи из тверского СИЗО-1 показания дали Станислав Новиков и Альфия Фахриева, осужденные по «наркотический» статье 228 УК. Они подтвердили, что 19 января 2024 года слышали разговор Трофимова с инспектором ФСИН Полиной Минаевой. Подсудимый сразу отметил, что оба свидетеля работают в отряде хозобеспечения — «это люди, очень зависимые от администрации и, в том числе, оперативного отдела».

Новиков рассказал, что в тот день «делал замену кранов» рядом с камерой Трофимова, но при этом не вспомнил никаких подробностей подслушанного разговора — кроме того, что Трофимов общался с инспектором через «окошко для приема пищи». Новиков добавил, что лозунг «Слава Украине» слышал от Трофимова «постоянно», хотя и «не общался с ним тесно, чтобы знать о каких-то подробностях»: «Какой-то, наверное, его протест».

— Высказывался ли в адрес президента? — уточнил судья.

— Я видел только табличку. Ну, что Путин… Нецензурно там было.

— Табличка откуда появилась?

— Я думаю, он сам ее сделал.

— Ну, может у вас там, я не знаю, в СИЗО выдают эти таблички на входе?

— Ваша честь, я на входе не видел и точно сам не знаю. Может быть. Но мне никто не предлагал, — растерялся Новиков.

Показания на следствии он подтвердил, а свою забывчивость объяснил тем, что «прошел уже год, столько событий».

Фахриева вспомнила, что в конце дня мыла полы, когда к Трофимову во время проверки подошла «одна из сотрудниц СИЗО». Арестант кричал прямо в видеорегистратор «"Слава Украине" и про теракт Крымского моста, что ли — такое ощущение, что доклад какой-то, на листке все это».

Как и Новиков, Фахриева сказала, что лозунг «Слава Украине» Трофимов повторял «постоянно», а делая доклад, требовал дать ему «максимальный срок наказания».

Следователю Фахриева рассказывала, что Трофимова в СИЗО «знают все», и что он «считает себя

политзаключенным и противником войны, хочет, чтобы РФ проиграла Украине». В суде она подтвердила эти показания не вполне уверенно — признала, что, «возможно, такие говорила вещи».

Бывший младший инспектор СИЗО-1 Полина Минаева рассказала, что Трофимов «неоднократно, громко и агрессивно» высказывался об «СВО» и говорил «что-то про Крымский мост», но точных формулировок в суде она не вспомнила. По ее словам, на каждой проверке Трофимов показывал плакаты «с нецензурной лексикой по поводу Путина». После этого Минаева сослалась на плохое самочувствие из-за беременности, и Трофимов не стал задавать ей вопросы. Подробные показания следователю о том, как Трофимов пересказывал ей свое последнее слово, Минаева подтвердила.

Еще один свидетель — заключенный Максим Гасымов — в суде выступить не смог, потому что ушел на войну. Прокурор Лопата огласил его показания на следствии. В них говорится, что Гасымов много раз слышал, как Трофимов кричал: «Слава Украине», при этом из некоторых камер отзывались: «Героям слава». Трофимов, продолжал свидетель, называл себя политзаключенным, говорил, что поддерживает Украину, и часто пересказывал свое последнее слово.

Сам Трофимов показания свидетелей не оспаривал и согласился, что «безусловно, проделывал [все, о чем они рассказали] в тех ограниченных возможностях, которые дает одиночное содержание».

«Это было и 19 января, и до того, и после. Заезжает новый сосед, и мы начинаем разговаривать. Он

спрашивает, *какая беда* — это на жаргоне значит, какие статьи. Я рассказываю подробно. И если человек хочет выслушать мое последнее слово и не боится это проделывать, то выслушивает. Как Макс Гасымов — он сидел в 16-й, а я в 18-й. И сотрудники. Тоже моя аудитория. Плюс еще прослушка, которая у меня стоит в 18-й камере, камера особенная. То есть эта аудиозапись, она существует в двух вариантах — запись видеорегистратора Полинки [Минаевой] и запись вот этой секретной прослушки оперативного отдела», — объяснил подсудимый.

«Глубоко потрясенный человек»

Трофимов хотел вызвать свидетелем защиты своего сына Владимира, чтобы тот, «как служивший срочку и контракт», рассказал об отношении отца к армии. Но Владимир Трофимов не смог прийти в назначенный день, и хотя прокурор Лопата не возражал, чтобы процесс отложили, суд решил ограничиться чтением показаний из материалов дела.

В них говорится, что в детстве воспитанием Владимира и его младшего брата занимался в основном отец, именно он организовывал их досуг и учебу — «походы, кружки, шахматы, клуб юных моряков». Когда мальчику исполнилось 14, отец стал для него «старшим товарищем». Трофимов-старший работал до 2008 года, был инженером, машинистом метро, подрабатывал преподавателем географии и физики, грузчиком и консультантом в интернет-магазине товаров для туризма.

В августе 1991 года он был на баррикадах у Белого дома и рассказывал детям, что «тогда у него был выбор: взять нож или фотоаппарат, и он выбрал фотоаппарат». Приход к власти Путина активист встретил «холодно», «высказывал недовольство происходящим и общался с будущими сторонниками Навального и Немцова».

С 2010 года он решил, что детям больше «как куратор не нужен» и стал ходить на акции протеста. Сыновей с собой не брал — руководствовался принципом, что дети «вне политики».

В 2018 году отношения с сыном у Трофимова испортились: Владимир развелся с женой, а отец настаивал, чтобы внучка, которая «была смыслом его жизни», осталась с ним. Владимир отнимать ребенка у матери не захотел, отец назвал его предателем и «угрожал, что лишит наследства».

После начала войны Трофимов-старший как будто «переключился»: сын говорил, что увидел перед собой «глубоко потрясенного человека», который спал по два часа в сутки, «все время читал новости» и ждал ядерной войны. Отец каждый день писал антивоенные посты. Владимир напоминал ему про внучку, но тот отвечал, что «есть дела поважнее».

Владимир Трофимов на допросе назвал отца «яркой, но несбалансированной личностью»: человеком эмоциональным и способным к эмпатии, но эгоцентричным.

«ФСБ не сказал, неужели вам скажу?»

Андрей Трофимов активно участвовал в заседаниях и с удовольствием отвечал на вопросы, хотя судья Краснов и пообещал, что если подсудимый откажется давать показания, то суд его «поймет и простит за все».

Трофимов начал издалека и напомнил, как судья Конаковского городского суда Светлана Косачева в июне 2023 года решила закрыть его первый процесс.

«Когда я понял, что мне предстоит без гостей, слушателей и прессы произносить последнее слово, я решил, что с этим надо что-то делать. Я сочинил последнее слово и передал его не установленным следствием способом на волю. Я горжусь, что следствие не установило способ, каким Маша Бовенко получила этот текст», — говорил он.

Бовенко, которая давно живет за границей, впервые написала Трофимову в ноябре 2022 года, когда его адрес выпал ей в «Свободе» — этот телеграм-бот подсказывает желающим вступить в переписку с российскими политзеками случайное имя из списка. С тех пор они поддерживают связь.

Вопрос, как текст последнего слова попал к Бовенко, интересовал судью Краснова больше всего. Но ответа за два дня процесса он так и не получил.

«ФСБ не сказал, неужели вам скажу?» — усмехался Трофимов. Когда подсудимый, рассказывая о том, как устроена переписка в СИЗО, мельком упомянул, что «цензор там одна, ее выдернули из декрета, и она не успевает читать», судья обрадовался: «Ну вот, а говорите, ничего не скажете».

Но Трофимов продолжал настаивать, что отправил письмо в обход официальных каналов связи: «Я вас уверяю, через все эти сервисы текст не прошел, они не нашли, они тщательнейшим образом шерстили». Он добавил, что цензоры СИЗО в его случае «свою роль выполняют со страшной силой», а «командует ими оперативный отдел».

«В деле есть письмо системы "Зонателеком", которое я отправил Маше. Это письмо не ушло. Оно в деле так и лежит как письмо, задержанное цензурой. Но попытка была, и в уголовном деле есть подтверждение того, что я просил Машу о публикации», — рассказывал подсудимый.

— Один раз? — уточнила его адвокат.

— Ну бросьте. Неоднократно. Это они не все письма с просьбой приложили.

В деле действительно есть ответы на запросы ФСБ от сервисов «Зонателеком» и «ФСИН-письмо», согласно которым писем с текстом последнего слова от Трофимова никто не получал, при этом есть сведения о том, что в сентябре 2023 года Бовенко в письме сообщила Трофимову о публикации его текста на «Каспаров.ру». К материалам дела приложена часть их переписки и «сведения об электронных

почтовых отправлениях между Трофимовым и другими лицами». Кроме того, по ходатайству самого подсудимого к делу приобщили и скриншот со списком его публикаций на «Каспаров.ру» — в подтверждение того, что вменяемые ему эпизоды «только часть многолетней деятельности».

Когда Трофимов потом спросил, получил ли суд его отказ от участия в процессе по видеоконференцсвязи, судья Краснов пошутил, что получил, но каким путем, не скажет.

«То, чего еще никто не проделывал»

После обсуждения переписки с Бовенко Трофимов перешел к своему главному тезису: сказал, что он сам захотел «устроить уголовное преследование за последнее слово в суде», чего «еще никто не проделывал».

Поэтому, продолжал подсудимый, он осознанно «заложил в текст две статьи, которых на тот момент не было[5]» — оправдание терроризма и «дискредитацию» армии.

— Смотрите, я очень долго думал, какие конкретные эпизоды боевых действий я напишу, чтобы, не дай бог, не оправдать реальный терроризм. Речь идет об эпизодах боевых действий, потому что атака на Крымский мост — это атака на военные объекты, не надо рассказывать, что Крымский мост — это гражданский объект. Вся группировка вооруженных сил в Крыму... — начал объяснять Трофимов.

— Заканчивайте, заканчивайте! Вам известно, что это было квалифицировано как теракт. Свое отношение вы изложили в том документе, который вам вменили в вину. Вы все об этом сказали, — оборвал его судья Краснов.

Чтобы вдобавок к оправданию терроризма его обвинили еще и в «дискредитации» («чтобы 280.3 случилась»), продолжал Трофимов, он «намеренно включил в текст представление матерное Владимира Путина, который считается Верховным Главнокомандующим».

— Я, собственно, впрямую дискредитировал. Ну, скажем, путинские мрази — это те военнослужащие... — не умолкал подсудимый.

— Трофимов! Трофимов!

— Это четко по обстоятельствам!

— Про текст мы уже все поняли.

Новое уголовное дело против него при этом возбудили не сразу, уточнил Трофимов, «потому что разная подследственность — 205.2 была подследственность ФСБ, а 280.3 — следственного отдела, и довольно долго шла переписка ведомственная».

Судья Краснов спрашивал, кому Трофимов адресовал слово «презираю» в последнем слове по первому процессу. Подсудимый ответил, что обвинению и суду.

— То, что вы здесь скажете, может быть использовано в иных целях, которые, может быть, не очень для вас приемлемы, — предупредил судья.

— А вы не знаете моих целей.

— Все, вопросов нет.

Когда Трофимова спросили о состоянии здоровья, он сказал, что у него есть несколько хронических заболеваний, но «медицинских документов в деле не представлено сознательно».

«Влиять на публику у нас законом запрещено»

Трофимов в суде с гордостью рассказал, что хотя это не и стало еще одним эпизодом уголовного дела, но его последнее слово опубликовал в своих соцсетях советник главы МВД Украины Антон Геращенко. Активист добавил, что писал для украинцев и очень рад, что текст до них дошел — «до россиян-то ничего не доходит, у них пропуск в сознании».

На этих словах судья Краснов сделал Трофимову замечание за «употребление фраз в отношении президента РФ и за оскорбление россиян».

«В противном случае у нас будет вынужден суд либо очистить зал судебного заседания от зрителей, чтобы человек мог высказываться, как он считает необходимым, и после этого я его удалю, либо я его удалю сразу и продолжим судебное заседание без него. Это не трибуна для вещания ваших каких-то умозаключений. Влиять на публику у нас законом

запрещено — к сожалению или к счастью, не знаю, на ваше усмотрение», — предупредил судья.

На протяжении всего процесса Трофимову делали замечания и грозили удалением — за выкрики, за разговоры с адвокатом, за вопросы без разрешения и за обращение к судье по имени-отчеству. Активист требовал, чтобы прокурор полностью зачитывал фразы, которые ему вменяются — например, «путинские мрази». За это он получил очередное замечание, а гособвинителя судья Краснов попросил «опускать моменты» с нецензурной бранью и оскорблениями и не зачитывать последнее слово Трофимока целиком каждый раз: «Мы уже его выучили наизусть».

Впрочем, судья отчитывал не только подсудимого, но и всех участников процесса; Краснов сокрушался, что «в городе Тверь не знают принципов судопроизводства».

Когда прокурор Лопата попросил огласить показания Трофимова на следствии, ссылаясь на «определенные противоречия», судья возмутился.

«Противоречия должны быть существенными и конкретными! Если вы просто так говорите, что есть определенные противоречия, суду они не известны. Будьте любезны, заявите эти противоречия. Или у вас в области другой законодатель? Слушайте, я что-то уже не могу», — закипел Краснов.

Когда показания все же огласили, он уточнил, присутствовал ли на допросе адвокат.

— Считать гражданку Соколову адвокатом нельзя, — отрезал Трофимов. Он с самого начала последовательно отказывался от услуг назначенных защитников.

— Хорошо, женщина, которая предоставила удостоверение адвоката, — сдался судья.

В какой-то момент Трофимов сообщил суду, что в СИЗО у него зафиксировано 16 нарушений правил внутреннего распорядка. «Еще не хватало, чтобы меня поощряли за то, что я делаю. Условия содержания прекрасные, но я веду себя там примерно так же, как и здесь», — похвастался он.

Судья Краснов на это ответил, что обвиняемый «ведет себя хорошо» — «по нашему опыту, один из лучших».

«Страна трусов, дураков и унылого говна»

На второй день процесса, 6 мая, стороны приступили к прениям. Гособвинитель Андрей Лопата напомнил, что Трофимов «в период совершения инкриминируемого преступления» содержался в одиночной камере, что «исключает причастность других лиц». Смягчающих обстоятельств он в деле не нашел, отягчающим назвал мотив политической ненависти. Лопата попросил увеличить Трофимову срок с 10 до 15 лет колонии строгого режима.

Выступить в прениях адвокату Донцовой Трофимов не позволил.

Сам он сказал, что причиной обоих его уголовных дел «стало нападение России на Украину», и в тюрьме он оказался «за слова»: это его «способ участия в событиях». По словам Трофимова, мотив его поступков — «самосохранение», это попытка «сохранить совесть, способность отличать черное от белого, а ложь от правды».

В адрес гособвинителя Лопаты он попросил вынести частное определение из-за его «исключительно низкой квалификации». Впрочем, прокурор, по словам Трофимова, разочаровал его не столько непрофессионализмом, сколько тем, что запросил слишком маленький срок — «была мечта хотя бы Шестуна[6] догнать, у него 17 [лет], ну и Скобову[7] дали 16».

Позиция судьи, продолжал обвиняемый, ему «до конца была непонятна»: «были моменты очень человеческого общения», но Краснов, «как и любой судья в политических делах, сам-то не решает».

Свой огромный срок, добавил Трофимов, он «как реальность не воспринимает», потому что его частная «ситуация очень вписана в большую ситуацию, а большая ситуация, может, плохо, но закончится точно раньше».

В последнем слове Андрей Трофимов был краток. «Медиазона» приводит его выступление полностью. Вот что он сказал:

«Уважаемый суд, нападение России на Украину 24 февраля 2022 года стало возможным потому, что современная Россия — это жертва отрицательного

отбора. Страна трусов, дураков и унылого говна. Для меня тут нет места, потому что я не первое, не второе и не третье».

После этого судья удалил Трофимова из зала и удалился сам — выносить решение.

На протяжении процесса слушателям не разрешали разговаривать с подсудимым, но когда его вернули в зал перед оглашением приговора, такая возможность появилась. Андрей Трофимов показал всем обед, который ему выдали в конвойном помещении, и особенно отметил «овощное рагу с перчиком». Сладкий сок он выпить не смог: убедившись, что рядом нет судьи, Трофимов признался, что он диабетик. Активист рассказал, что в СИЗО отношение к нему, «особенно на низовом уровне, хорошее», его «все знают», а бытовые вопросы всегда «можно решить».

Трофимов добавил, что «мечтает об обмене» — «почему нет, есть прецедент прекрасный в августе прошлого года, он нас всех очень вдохновил».

Потом он вынул календарики со смайликом за решеткой, которые ему передали в СИЗО — у него таких «адова куча», похвастался Трофимов, и «не под камерой» их охотно берут даже сотрудники ФСИН. Следом активист продемонстрировал футляр для очков, на который он приклеил вырезку со словами «Свободу политзаключенным», и кепку «Тверской централ» — свой «талисман».

Скоро, пообещал Трофимов, ему нужно будет готовиться к «третьему делу, которое в планах», и он начнет писать ОПС — опять последнее слово.

После этого судья Краснов огласил приговор: Трофимов должен будет провести в колонии строгого режима 13 лет вместо десяти.

Процесс закончился выкриком осужденного: «Слава Украине!».

Адрес для писем:

170010, Тверская область, г. Тверь, ул. Вагжанова, 141, ФКУ СИЗО-1 УФСИН по Тверской области Трофимову Андрею Николаевичу 1966 года рождения

Работают сервисы Зонателеком, Ф-письмо и - prisonmail.online (принимает оплату иностранными картами)

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Часть 2 статьи 205.2 и часть 1 статьи 205.2 УК.
2. Статья 280.3 УК.
3. Уголовная ответственность за «дискредитацию» армии наступает, если человек в течение предыдущего года привлекался по аналогичной статье КоАП.
4. Этот и другие упомянутые в тексте документы были оглашены в суде.
5. В числе предъявленных ему обвинений. В первый раз Трофимова судили по статьям о военных «фейках», призывах к экстремизму и участии в незаконном вооруженном формировании.
6. Экс-глава Серпуховского района Подмосковья Александр Шестун осужден на 15 лет лишения свободы по нескольким экономическим

статьям. Позже Шестуна обвинили в нападении на сотрудника ФСИН, неуважении к судье и угрозах прокурору и увеличили срок до 17 лет строгого режима.

7. 67-летний петербургский историк и диссидент Александр Скобов осужден по статье об оправдании терроризма.